

Дмитрии ЛИХАЧЕВ-литературовед: классик и новатор

Вечерний Петербург – 2007.- 24 мая (№91).

Страна отмечает День славянской письменности и Год русского языка. В Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов сегодня открываются VII Международные Лихачевские научные чтения. По традиции соберутся выдающиеся мыслители из десятков стран мира. Разумеется, речь пойдет и о научном наследии

Дмитрия Сергеевича. В числе докладчиков - профессор Александр ЗАПЕСОЦКИЙ, автор ряда книг и более 50 статей об академике. В издательстве "Наука" выходит его новая книга "Культурология Дмитрия Лихачева". Мы публикуем фрагменты этой работы.

То, что Дмитрий Сергеевич - выдающийся литературовед, общеизвестно. Но в чем состоит принципиальное новаторство Лихачева?

То, что академический ученый написал много хороших книг, само по себе не может

быть основанием для придания ему статуса "знаковой фигуры". И во времена Архимеда, и во времена Ньютона, и во времена Менделеева их коллеги тоже писали много и хорошо, но у Архимеда, в отличие от прочих, была еще и его "ванна", у Ньютона - "яблоко", у Менделеева - "таблица". В научном мире Гений тем и

отличается от таланта, что за первым стоит некая кульминация его творческих усилий, локализованная во времени и пространстве в ослепительно яркий миг взлета, прорыва, тогда как для талантов существует лишь много частных, скромных успехов на всем протяжении их жизненного пути. Поэтому-то подавляющее большинство ученых остается в истории науки длинным "списком научных трудов", и только единицы входят в эту историю с кратким, предельно ясным и понятным даже непосвященным девизом, подобным рыцарскому боевому кличу легендарных героев минувших времен. Есть ли подобный девиз у Лихачева-литературоведа? Есть. И этот девиз- "текстология".

Как это нередко бывает в научной работе, главное открытие

Лихачева-литературоведа начиналось с вопросов достаточно частных и как будто далеких от сияющих вершин "высокой науки": "древникам" лихачевского сектора нужно было окончательно определиться с принципами публикаций русских средневековых памятников. Дело в том, что книги до изобретения Гуттенбергом печатного станка, как легко понять, создавались переписчиками, а рукописные копии, в отличие от печатных, имеют индивидуальные ошибки, пропуски, искажения и дополнения. В результате текст одного и того же произведения, содержащийся в разных дошедших до нас рукописных трудах, существовал в нескольких, подчас значительно отличающихся друг от друга текстовых версиях. Естественно, вставал вопрос: какую из этих версий публиковать? Очевидно, что таковой должна была быть авторская версия, но как ее установить?

Проблема эта возникла задолго до Лихачева, и не в литературоведении, а в богословии, поскольку в рукописных списках первоначально существовало и Священное Писание. Первыми текстологами были ученые "толковники", стремившиеся установить библейский канонический текст. С этой же трудностью столкнулись и литературоведы, занимающиеся исследованием светской литературы Средневековья. И столетие за столетием исходный, канонический текст определяли путем механического сличения рукописей, составляя так называемые стеммы - схематические цепочки вариантов текста, объединенных общими ошибками или общими сходными фрагментами. На основании разных комбинаций ошибок или комбинаций сходных мест в разных версиях текста выстраивалась иерархия, которая в теории должна была выявить "безошибочный" вариант, считавшийся исходным. Разумеется, такая "механика" в работе вела ко всевозможным противоречиям и нестыковкам, которые до Лихачева полагались неизбежным злом.

Открытие, совершенное Лихачевым, как и любой гениальный прорыв в науке, поражает своей простотой и, главное, нестандартностью в подходе к решению проблемы. Вместо того чтобы бесконечно перетасовывать и комбинировать тексты, выявляя в них все новые особенности, он предложил своим коллегам обратить внимание на то, как и при каких условиях эти особенности могли в текстах появиться. Другими словами, Лихачев впервые в мировой медиевистике (изучении средних веков) сосредоточил внимание не на книге как таковой, а на человеке, пишущем книгу.

"Нет текста вне его создателей, как и нет литературы вне писателей, - утверждал Д. С. Лихачев. - Чтобы восстановить историю текста того или иного произведения, надо вообразить за ним древнерусского книжника, надо знать, как работал древнерусский книжник, проникнуть в его психологию, знать его цели, идеологические устремления, знать "механизм" ошибок. Надо вообразить себе за текстом и за его изменениями человека, который этот текст создал, вносил в него вольные или невольные изменения. Текстология имеет дело прежде всего с человеком, стоящим за текстом".

На смену "арифметическому" исследованию текста пришло изучение смысла. Именно это - гениально. Все гениальное - просто. Канту было нужно всего-то предположить, что пространство и время не существуют в реальности, а являются категориями человеческого мировосприятия, - и произошел переворот в философии.

Лобачевскому было нужно всего-то представить, что идеальной эвклидовой плоскости, в которой могут быть проложены параллельные линии, в природе нет, - и были "потрясены" все предшествующие представления о геометрии. Лихачеву всего-то и надо было подчеркнуть, что понять историю создания текста - это и значит

понять текст, - и многие существовавшие до этого момента взгляды на цели и задачи изучения литературы летописного периода стали архаикой.

Действительно, до лихачевской "Текстологии" литературоведы изучали либо текст, либо писателя, так сказать, отдельно друг от друга. В первом случае текст толковался (такой метод называется герменевтическим), то есть литературовед присваивал тексту некоторое значение, основываясь на своем понимании его знаковых особенностей (а большей частью - по произволению своему). Во втором случае литературовед изучал биографические документы, позволяющие сформулировать "взгляды писателя", и видел в его произведениях "биографические свидетельства".

И только Лихачев первым попытался связать два эти начала, представить себе, как конкретная личность проявляет себя в процессе создания конкретного текста.

Читать без волнения те страницы "Текстологии", где фиксируется этот "момент истины", невозможно: "Заглянем через плечо древнерусского книжника, - предлагает Д. С. Лихачев. - Он сидит на "стульце", положив рукопись на колени. Рядом с ним на низком небольшом столике письменные принадлежности: чернильница и киноварница, маленький ножик для подчистки неправильно написанных мест и чинки перьев, песочница, чтобы присыпать песком непросохшие чернила. Он пишет не в переплетенной книге, а в отдельных тетрадях, то есть согнутых в два, в четыре раза листах пергамента или бумаги, которые только потом переплетают в книгу..."

В психологии это называют эмпатией - умением представить себя на месте другого человека.

"История текста, - пишет Лихачев, формулируя свое понимание текстологии, - стала рассматриваться в самой тесной связи с мировоззрением, идеологией авторов, составителей тех или иных редакций памятников и их переписчиков. История текста явилась в известной мере историей их создателей..." Поэтому, чтобы восстановить историю текста памятников, текстолог обязан быть и литературоведом, и языковедом, и историком общественной мысли, а часто и историком искусства. На всем пути истории текста стоят люди - с их интересами, воззрениями, представлениями, вкусами, слабыми и сильными сторонами, навыками письма и чтения, особенностями памяти, общего развития, образования. Из этих людей наиболее важен автор, но значение имеют и редактор, и заказчики, и переписчики, и читатели, также оказывающие влияние на судьбу текста, а за этими людьми стоят, в свою очередь, люди и люди: все общество оказывает свое заметное и незаметное влияние на судьбу текста.

Понимание истории текста как ключа к его содержанию ("не в слове - дело, а - почему слово говорится" - от цитирования горьковского Луки здесь удержаться сложно) выводило концепцию Лихачева не только за рамки медиевистики, но и за

границы собственно литературоведения. Отталкиваясь от локальных проблем изучения древнерусских рукописей, Лихачев шел к основам семиотики - науки о знаковых системах, имеющей в современном научном мире универсальный характер. Это и стало решающим в его облике литературоведа-новатора.

Разумеется, Лихачев и русский язык - тема широкая и захватывающая. Наряду с текстологической концепцией в ней есть ярчайшая теория взаимосвязи языка и культуры - со своей вершиной в виде понятия "концептосферы", есть идеи о "хронотипе" (древнерусские книжники понимали время по-иному, нежели мы сейчас).

А еще заслуга Дмитрия Сергеевича - в виртуозном развитии метода реконструкции, когда утраты части текста восстанавливаются по крупницам косвенных свидетельств,

когда понимание каждого слова, буквы проверяется выстраиванием своего рода параллельных рядов в живописи, музыке, зодчестве, фактах археологических находок и т. д. Благодаря лихачевскому наследию литература далеких времен оживает в мире других явлений культуры, обретает полноценный смысл в целостной и неразрывной культурной ткани. Понимая прошлое, мы лучше осознаем настоящее и видим будущее.